Z 103/518

63911-44 III

ОБОЗРѢНІЕ

ИЗВѢСТІЙ О РОССІИ

ВЪ ВѢКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

извлеченныхъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПЕТРЪ любитъ поспѣшную ѣзду. Онъ требовалъ въ Булони, чтобы его носили такъ же скоро на носилкахъ, какъ везли въ коляскѣ. Такъ пишутъ изъ Аміена отъ 6 Мая 1717 г.

Виньонъ извѣстилъ Маршала д'Юксаль, что Царь проѣхалъ Аміенъ и Бернажъ. Виньонъ не видалъ его. Всѣ приготовленія послужили только для угощенія приближенныхъ Царя.

11 Мая Епископъ увѣдомлялъ о приготовленіяхъ для встрѣчи Царя въ Бове.

Есть слухи изъ Россіи, что Духовенство, знатнѣйшіе Вельможи и люди средняго состоянія тамъ очень ропщутъ на отсутствіе ПЕТРА.

Петръ потребовалъ изъ Амстердамскаго Банка сумму, принадлежащую Князю Меншикову. Она простирается до 500,000 ефимковъ, что составитъ *два милліона* ливровъ на Французскую монету. Царь, какъ доносилъ прежде Агентъ Ла-Ви, имѣя надобность въ деньгахъ, узналъ, что Князь Меншиковъ положилъ въ Амстердамскій Банкъ 300,000 рублей, что̀ составитъ около милліона пяти сотъ тысячь ливровъ, и находя виновнымъ посланнаго Меншиковымъ повѣреннаго Соловьева, по разсмотрѣніи всѣхъ бумагъ его, принудилъ вынуть сію сумму изъ Банка; послѣ того Царь написалъ собственноручно довольно ласковое письмо къ Князю Меншикову, обнадеживъ его, что, по прибытіи въ Россію, дастъ повелѣніе, чтобы сумма сія была возвращена ему. Князь принялъ это извѣстіе безъ ропота: что не удивительно. Онъ получилъ отъ милости Царя все, что имѣетъ; будучи имъ любимъ, сталъ предметомъ зависти и ненависти Русскихъ Вельможъ, и не имѣетъ противъ нихъ другой опоры, кромѣ самого Государя.

Маршалу Тессе, въ Маѣ 1717 г., поручено было Людовикомъ XIV войти въ переговоры съ Русскими Министрами о дружественномъ и торговомъ трактатѣ между Людовикомъ XV и Царемъ. Впрочемъ Тессе былъ ограниченъ предписаніемъ: *не заключать и не обѣщать ничего положительнаго.* Если, по истеченіи десятимѣсячнаго трактата съ Швеціею, Король Шведскій не согласится на миръ съ Россіею, въ такомъ только случаѣ Франція заключитъ союзный трактатъ съ Россіею и Пруссіею, и будетъ давать денежную помощь (субсидію) Его Царскому Величеству до конца войны съ Швеціею.

Царь, оставивъ своихъ Министровъ, отправился съ Беллегардомъ въ Парижъ. Вечеромъ $\frac{1}{12}$ Іюня 1717 г. онъ прибылъ въ Парижъ, очень довольный своимъ путешествіемъ, гулялъ въ саду, и задумался, какъ видно, о союзѣ противъ Австріи съ Франціею и Пруссіею, и о субсидіяхъ.

15 Іюня прислана записка о средствахъ соединенія Церкви Великой Россіи съ Церковію Римскою. Писана на Латинскомъ языкѣ, въ Сорбоннѣ (in domo Sorbonico). Канцлеромъ Парижскаго Университета Либуромъ засвидѣтельствованъ Французскій переводъ сей записки (на 16 листахъ) въ завѣреніе, что бумага о соединеніи Церквей точно подписана лицами, коихъ имена подъ нею означены. Петръ отклонилъ отъ себя отвѣтъ Сорбоннѣ, предоставивъ записку соображенію Св. Синода. Отвѣтъ на нее данъ уже въ 1718 году; по этому же предмету былъ еще отзывъ и въ 1720 г., какъ отмѣчено въ запискѣ.

Ла-Ви доноситъ Французскому Министерству отъ 5 Іюля, что Князь Меншиковъ доставилъ въ Сенатъ письмо Петра. Царь, изъявляя неудовольствіе на дурное управленіе дѣлъ Сенатомъ и на медленность исполненія его повелѣній, грозитъ наказаніемъ Божіимъ и разысканіемъ виновныхъ. Смятеніе Сенаторовъ невыразимо. Самъ Меншиковъ продалъ за треть цѣны свою землю Апраксину, чтобы только привлечь его на свою сторону.

Грамотою Петра, въ Парижѣ, 9 Іюля 1717 (*), назначенъ Коммерческимъ Агентомъ со стороны Россіи Кавалеръ де-Жевилль.

(*) Фоліантъ 9.

Пріемъ Петра въ Парижѣ правился Русскимъ въ Петербургѣ.

Въ Россіи совершенная свобода совѣсти, какъ замѣчаетъ Ла-Ви. Царь дозволяетъ Духовенству иностранныхъ Исповѣданій обращать въ свою Вѣру Евреевъ. Въ Петербургѣ крещенъ Еврей въ Лютеранское Исповѣданіе. Франція и Пруссія уже называютъ Петра Царемъ Россіи, а не Московіи. Слово *Московіи* въ проектѣ трактата вычеркнуто (донесеніе Ла-Ви). Въ ожиданіи скораго возвращенія Петра, въ Петербургѣ большой страхъ между тѣми, которые своею безпрестанною враждою вредятъ Государству.

Петръ, предъ отъѣздомъ изъ Россіи, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу Царевича Петра Петровича, вопреки условію, заключенному съ Волфенбительскимъ домомъ. Въ случаѣ смерти Петра, исполненіе завѣщанія о Царевичѣ возложено на Князя Меншикова и двоихъ Апраксиныхъ. Первый командуетъ армією, второй—флотомъ, а третій, какъ Членъ Сената, надсматриваетъ за дѣйствіями своихъ сотоварищей.

Пишутъ изъ Брауншвейга къ Ла-Ви (донес. его отъ 11 Окт. 1717 г.), что Царь самъ неожиданно захватилъ Соловьева (бывшаго повѣреннымъ Меншикова) и всѣ его книги по счетамъ съ Амстердамскимъ Банкомъ. Петръ отсылаетъ его въ Петербургъ подъ надзоромъ Нарышкина и въ сопровожденіи 25 Прусскихъ Гвардейцевъ. Слышно, что будто бы 5 милліоновъ были похищены у Царя, и что у какого-то Русскаго Вельможи въ Амстердамскомъ Банкѣ около 50 милліоновъ. Полагаютъ, что это Князь Меншиковъ. Братъ Соловьева въ службѣ при Князѣ.

$\frac{8}{19}$ Октября, въ три часа по полудни, Петръ прибылъ въ Петербургъ водою, изъ Кронштота. Одни радуются, другіе страшатся. Двѣ Царевны, его дочери (Анна Петровна и Елисавета Петровна), выѣхали къ нему на встрѣчу, одѣтыя въ Испанское платье, а сынъ его, маленькій Царевичь Петръ, ожидалъ его въ покоѣ Дворца, сидя на Исландской лошадкѣ.

Его Царское Величество, принявъ поздравленіе своихъ родственниковъ и Дипломатическаго Корпуса, тотчасъ поѣхалъ на Адмиралтейскую вервь, осматривать 12 военныхъ кораблей, тамъ стоявшихъ.

Царица, супруга Петра, пріѣхала къ нему около 9 часовъ вечера.

Петръ хорошо принялъ Крюйса.

Говорятъ шопотомъ, что Царевичь (который, какъ думаютъ, въ Неаполѣ) писалъ къ отцу, что не возвратится въ Московію, пока Князь Меншиковъ не будетъ удаленъ отъ Двора.

Ла-Ви пишетъ въ донесеніи отъ 17 Декабря: «Петръ собирается въ Москву. Тамъ онъ будетъ хоронить Ромодановскаго, бывшаго Царя сей древней столицы». (Ci-devant Czar de cette ancienne capitale) т. е. Князя Кесаря.

Петръ толкнулъ объ стѣну Князя Меншикова. Началось изслѣдованіе о злоупотребленіяхъ Вельможъ.

Отъ 3 Генваря 1718 г. Ла-Ви сообщилъ (*) списокъ особамъ, которые предъ отъѣздомъ Царя въ Москву начинаютъ присутствовать въ Совѣтѣ, имъ

(*) Фоліантъ 10.

учрежденномъ по разнымъ частямъ Государственнаго управленія.

По Иностраннымъ Дѣламъ: Президентъ — Графъ Головкинъ. Вице-Президентъ — Шафировъ.

По Гражданской судебной части (Юстицъ-Коллегія): Президентъ—Графъ Андрей Артамоновичь Матвѣевъ. Вице-Президентъ — Брейеръ, изъ Риги.

По ревизіи дѣлъ (Ревизіонъ-Коллегія): Князъ Яковъ Долгорукій.

По Морской части (Адмиралтейская Коллегія): Президентъ — Графъ Апраксинъ, Вице Президентъ — Крюйсъ.

По Военной части (Военная Коллегія): Президентъ — Князь Меншиковъ. Вице-Президентъ — Генералъ Вейде.

По Коммерціи (Коммерцъ-Коллегія): Президентъ — Тайный Совѣтникъ Толстой. Вице-Президентъ Шмидтъ.

По счетамъ долговъ и расходовъ: Президентъ — Графъ Иванъ Алексѣевичь Мусинъ-Пушкинъ.

По части Искусствъ и промысловъ горныхъ заводовъ: Президентъ — Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Брюсъ.

По части Финансовъ: Президентъ—Князь Дмитрій Голицынъ. Вице-Президентъ— Баронъ Нимродъ.

Въ каждой Коллегіи четыре Совѣтника и столько же Ассессоровъ.

Отъ 7 Генваря 1718 г. Ла-Ви доноситъ, что Царь уѣхалъ въ Москву и поручилъ дѣло своихъ знатнѣйшихъ Вельможъ разсмотрѣнію и суду простыхъ низшихъ Военныхъ Офицеровъ. Этотъ городъ ка-

жется злосчастнымъ: приходится быть или обвинителемъ, или обвиненнымъ. Чрезвычайно видѣть Сенатъ, встающимъ и униженно кланяющимся предъ Офицеромъ, какъ случилось на прошедшихъ дняхъ. Но не льзя думать, чтобы Царь рѣшился разрушить то, что онъ старался устроивать долгое время; кто же послѣ позаботится объ исполненіи послѣдней воли его и поддержаніи Царевича Петра Петровича противъ старѣйшаго брата, который, имѣя очень много приверженцевъ въ Государствѣ, безъ сомнѣнія будетъ вспомоществуемъ Австрійскимъ Императоромъ, своимъ шуриномъ.

Петръ сердился на Императора, и при этомъ случаѣ поколотилъ Князя Меншикова за разсужденія о покровительствѣ Императора Алексію Петровичу, но послѣ просилъ прощенія у Меншикова.

О Царевичѣ Алексіи Петровичѣ напечатано всенародное объявленіе въ Москвѣ, 5 Февраля 1718 г. Переводъ съ онаго на Французскомъ напечатанъ въ Парижѣ. Къ этому же присоединены письмо Царевича изъ Неаполя и клятвенное его обѣщаніе. Другой Манифестъ съ письмомъ Царевича изъ Неаполя, также въ переводѣ, напечатанъ и находится въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ актахъ Парижскаго Архива. Отмѣчено, что продается въ Парижѣ, у книгопродавца Франсуа Фурнье, въ улицѣ Сентъ-Фагонъ.

Ла-Ви, 11 Марта 1718 г. препровождая всенародное объявленіе о Царевичѣ, пишетъ: «этотъ важный актъ былъ читанъ 6 Февраля въ Троицкомъ соборѣ, построенномъ по срединѣ большой площади, которая вся была покрыта городскими жителями,

созванными накануне барабаннымъ боемъ. Гвардія стояла подъ ружьемъ. Князь Меншиковъ съ Сенаторами и Дворянствомъ сопровождалъ въ соборъ четырехлѣтняго Царевича Петра Петровича. Сестры Царевича, Анна и Елисавета Петровны, Дворъ ихъ, а потомъ и Дворянство присягнули Петру Петровичу».

Запрещено выдавать паспорты въ Москву. Царь велѣлъ просить иностранныхъ Министровъ, находящихся при немъ, не давать много воли языку въ настоящихъ обстоятельствахъ. Голландскій Резидентъ, сообщая эту новость своей женѣ, проситъ ее извинить его молчаніе, изъ уваженія къ получаемой имъ пенсіи.

Отъ 3 Апрѣля 1718 г. Ла-Ви извѣщаетъ по слухамъ, что болѣе 300 лицъ разныхъ званій арестованы, многіе осуждены и казнены. Царевичъ Алексій Петровичъ находится въ Петербургѣ; онъ живетъ въ домѣ, отдѣльномъ отъ Царскаго дворца, подъ стражею. Ему назначено 40,000 рублей на ежегодное содержаніе.

Отъ конфискаціи имѣній собрано нѣсколько милліоновъ рублей.

Царица Евдокія должна быть заключена въ Кексгольмѣ. Марія Алексіевна, ея золовка, сестра Петра, еще болѣе виновная, заключена въ крѣпости Шлиссельбургской. Алексій Петровичъ не видитъ и дѣтей своихъ.

Царевна Екатерина Алексіевна скончалась въ Москвѣ 1 Мая 1718 г. Петръ извѣстилъ Французскаго Короля грамотою о ея кончинѣ.

Въ Московскихъ Архивахъ отыскали письмо покойнаго Императора Максимиліана, въ которомъ онъ, за 209 лѣтъ (около 1509 года), даетъ Царю Василію Іоанновичу титло Императора, приглашая его войти въ союзъ. По повелѣнію Петра посылаются списки съ сего письма иностраннымъ Министрамъ.

Докторъ Петра, Арескинъ, очень доволенъ письмами къ Царю Фонтенеля и Аббата Биньона: почему я думаю, прибавляетъ Ла-Ви, что и Царь также доволенъ.

Виновную сестру, Царевну Марію Алексіевну, привезутъ изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ.

Печатное извѣстіе о событіяхъ по суду надъ Царевичемъ Алексіемъ Петровичемъ и объ обстоятельствахъ его смерти 27 Іюня 1718 г. послано къ Шлейницу.

Тѣло Царевича выставлено въ Троицкомъ соборѣ. При отданіи послѣдняго долга цѣловали руки, говоря: *прости*. На другой день кончины Царевича празднованъ день Полтавской побѣды, а потомъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, празднованъ также обыкновеннымъ образомъ.

Резидентъ *Де-Би* арестованъ въ Петербургѣ за письма, то есть за депеши о заговорѣ Царевича. Приложенъ переводъ допроса, ему сдѣланнаго, и отвѣтовъ его 8 Августа 1718 г. За нѣсколько времени предъ тѣмъ арестованъ былъ Голландецъ *Борстъ*, также за пересылку письма.

22 Августа въ 7 часовъ утра, Царица разрѣшилась отъ бремени Принцессою. Петръ, извѣщая Людовика VI грамотою о рожденіи Принцессы Наталіи, пишетъ: «*воспріялъ васъ воспріемникомъ сей новоро-*

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖ-ПА

жденной Принцессы, — проситъ: *и дружбу влящше утвердить, и во вѣки продолжать. Помянутую нашу дщерь симъ кумовствомъ удостоить извольте*». Крещеніе было 14 Сентября 1718 г., а грамота подписана Сентября 20.

Король Испанскій даетъ Петру титулъ Императора. Петръ въ лагерѣ близъ Абова. (Донес. Ла-Ви). Отъ $\frac{\text{30 Октября}}{\text{10 Ноября}}$ 1718 г. Ла-Ви пишетъ, что Петръ праздновалъ день рожденія уже *четырехлѣтняго* Царевича Петра Петровича, съ дамами и придворными, на почтовой станціи, гдѣ былъ большой пиръ. Самыя драгоцѣнныя вина лились въ изобиліи. Царь велѣлъ принести простаго Русскаго вина (пѣника), и взявъ деревянный ковшъ, вмѣщающій два стакана, собственноручно давалъ пить знатнѣйшимъ особамъ, не исключая и дамъ, которыхъ всѣхъ цѣловалъ. Вечеромъ былъ прекрасный фейерверкъ и балъ, продолжавшійся до глубокой ночи.

Ла-Ви отъ 28 Ноября пишетъ, что казнь не прекращаетъ смутъ, но усиливаетъ ихъ. Виновные обвиняютъ невинныхъ; судьи въ замѣшательствѣ. Самъ Петръ рѣдко бываетъ спокоенъ, и это увеличиваетъ безпокойство судей. Ла-Ви хвалитъ Петра.

Въ Декабрѣ 1718 г. казнили пятерыхъ государственныхъ преступниковъ: Авраама Ѳеодоровича Лопухина, дядю Царевича; Священника Якова Пустынаго, Ивана Аѳанасьева, его Гофмаршала и повѣреннаго во всѣхъ дѣлахъ; Дубровскаго, его Камергера, и Воронова, его дворецкаго. Всѣмъ отрублены головы на плахѣ. Тѣла казненныхъ, съ головами, положенными подъ руки ихъ, были три дни выставлены предъ народомъ; послѣ чего отрѣзаны руки у труповъ, поло-

жены на колеса, а головы на столбахъ. Чрезъ часъ послѣ совершенія казни, Петръ собралъ Сенатъ, и объявилъ, что, наказавъ преступленія оскорбителей Величества, приступитъ къ наказанію піявицъ — корыстолюбцевъ, обогащающихся достояніемъ Царя и его подданныхъ. Въ то же время учреждено судилище для розысканія виновныхъ въ лихоимствѣ. Это судилище, подъ предсѣдательствомъ Генерала Вейде, заставляетъ трепетать знаменитѣйшія лица въ Имперіи. Князю Меншикову, Генералу Апраксину, Князю Гагарину, Сибирскому Губернатору, приказано явиться предъ судьями и отвѣчать на обвиненія доносителей. Содержатъ подъ стражею болѣе двухъ сотъ обвиненныхъ въ злоупотребленіи.

Его Величество, чтобъ успокоиться нѣсколько отъ сихъ важныхъ дѣлъ, приказалъ учредить *ассамблеи*, то есть общественныя собранія, которыя и начались по очереди у знатнѣйшихъ особъ. На *ассамблеи* допускаемы были всѣ лица, сколько-нибудь значащія; гостямъ подавалось прохладительное питье. Одни занимались игрою въ карты, другіе курили трубки, говорили о новостяхъ, даже о торговыхъ дѣлахъ, потому что важнѣйшіе изъ Петербургскихъ негоціантовъ были допускаемы въ ассамблеи.

Толстой, Румянцевъ и Ушаковъ получили награду по дѣлу о Царевичѣ Алексіи Петровичѣ.

Суммы, которыми виновные во взяткахъ должны будутъ поплатиться Царю, составятъ нѣсколько милліоновъ рублей. (Допес. Ла-Ви отъ 1 Генваря 1719).

У Вице-Адмирала Крюйса была вечеринка; всѣ печальны и задумчивы, хотя и скрываютъ это. Петръ и Царица были тамъ же. Такія вечеринки три раза въ недѣлю, непремѣнно, у знатныхъ Двора. При Императорѣ не встаютъ, а если кто встанетъ, то за штрафъ долженъ выпить большой стаканъ вина. Ассамблеи продолжаются отъ четырехъ до десяти часовъ. Танцы въ особыхъ покояхъ.

Отъ 6 Генваря 1719 г. Ла-Ви извѣщаетъ, что объявлено прощеніе обвиненнымъ. Между ими замѣтили Князя Меншикова, Адмирала Апраксина и брата его. Сомнѣвались въ справедливости поступковъ Царя. Трагическій конецъ постигъ однихъ заговорщиковъ. Меншикова, Апраксиныхъ обвиняли только въ противозаконныхъ поступкахъ. Приговоръ суда былъ: лишить чиновъ и отличій; но Петръ простилъ имъ: ожидали наказанія, и вмѣсто того надѣлены землями. Князь Меншиковъ пожалованъ въ Контръ-Адмиралы.

13 Генваря Ла-Ви извѣщалъ, что Царь будетъ говорить съ трона рѣчь, въ которой изложены обязанности Членовъ новоучрежденныхъ Коллегій. Сіи Коллегіи помѣщаются тамъ, гдѣ былъ прежде Сенатъ.

Отъ 23 Іюня 1719 г. Ла-Ви пишетъ, что Петръ на вечеринкѣ сравнивалъ себя съ Ноемъ, смотря съ печалью на старый Русскій бытъ, и надѣясь, что посредствомъ учрежденія многихъ мѣстъ и Коллегій дастъ ему новый видъ.

Графъ Флемингъ распространялъ въ Вѣнѣ слухи о раздѣленіи Польши Петромъ, объ отобраніи Курляндіи и другихъ областей. Петръ, въ письмѣ къ Польскому Королю отъ 15 Генваря 1719 г., упрекалъ

за распространеніе сихъ слуховъ Флеммингомъ. Парижскимъ Министрамъ сообщенъ Французскій переводъ съ сего письма.

Извѣстіе о смерти Шведскаго Короля Карла XII сдѣлалось предметомъ общихъ толковъ. Резидентъ Ганноверскій спросилъ Царя на ассамблеѣ, долженъ ли поздравить его, или изъявить ему сожалѣніе объ этомъ важномъ событіи? — Петръ, пожавъ плечами, отвѣчалъ ему: «Я самъ не знаю; желаю только, чтобы все обратилось къ общему благу!»

Смерть Шведскаго Короля заставила Петра принять новыя мѣры, и надежды на миръ не стало. Онъ вывелъ войска изъ Польши. Баронъ Герцъ, по смерти своего Короля, ищетъ покровительства Петра I.

Царь, отъѣзжая къ марціальнымъ водамъ, въ Олонецъ, сказалъ Вельможамъ своимъ слѣдующія слова: «Братцы мои! (Moy Brats)» я не думаю, чтобы между вами изъ людей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, нашелся кто-нибудь не знающій, что двѣ и самыя главныя обязанности Государя, которому Богъ опредѣлилъ управлять Царствами и народами суть: защищеніе своего Государства отъ внѣшняго врага, ведя самому войски въ битву, и сохраненіе между своими подданными внутренняго мира, являя скорое и доброе правосудіе всѣмъ, и наказывая зло въ лицахъ знатныхъ такъ же, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ». При этомъ, въ примѣръ исполненія первой обязанности, Царь указалъ на начало своего царствованія, а въ отношеніи ко второй— на недавнія событія. «И такъ» — продолжалъ онъ— «я рѣшился учредить Верховный Судъ. Мой Генералъ

Адамъ Адамовичь Вейде, котораго я еще ни въ чемъ не находилъ виновнымъ, будетъ Президентомъ сего Суда. Бутурлинъ, Генералъ-Лейтенантъ Шлиппенбахъ, Гольцъ, Ягужинскій, Волковъ и Ушаковъ будутъ Членами. Имъ вручится списокъ обвиняемымъ, и Судъ произнесетъ приговоръ свой надъ тѣми, которыхъ найдетъ виновными».

Отъ 7 Марта 1719 г. Ла-Ви извѣщаетъ о взятіи въ Польшѣ Хованскаго за оскорбленіе Величества.

Д'Акоста, Португалецъ, который въ 1715 г. былъ въ Гамбургѣ Агентомъ по переводу векселей, а послѣ поступилъ въ шуты къ Царю, и часто забавлялъ Его Величество, будетъ сдѣланъ Герцогомъ Лапландскимъ, а живописный Гетманъ (прозвище другаго шута) предъ отъѣздомъ Двора — будетъ Королемъ Самоѣдовъ.

При письмѣ Петра къ Барону Шлейницу отъ 27 Апрѣля 1719 г., приложена Царская декларація, касательно торговли на морѣ Балтійскомъ. Петръ между прочимъ пишетъ: «Вы усмотрите изъ приложенной декларации, что я обнародовалъ по всей великой Россійской Имперіи справедливыя причины, которыя побудили меня выслать изъ моихъ владѣній Вѣнскихъ Іезуитовъ, или Императорскихъ Миссіонеровъ. Вы озаботитесь извѣстить о томъ Его Католическое Величество и Его Королевское Высочество, Господина Герцога Регента, также Министра и Государственнаго Секретаря, Аббата Дюбоа; вы объясните имъ причины, изложенныя въ декларации, и увѣрите ихъ съ моей стороны, что въ моихъ поступкахъ я нисколько не имѣлъ намѣренія порочить Вѣру Латинскую; напротивъ того желаю, чтобы от-

правленіе Латинскаго Богослуженія продолжалось въ совершенной свободѣ такимъ монашескимъ Орденомъ, какому почтутъ приличнѣе поручить это. Вы дадите знать, что я имѣлъ въ виду удовлетворить себя за событіе съ моимъ Резидентомъ въ Вѣнѣ, и съ моимъ Агентомъ въ Бреславлѣ. Право возмездія справедливо; слава моя требуетъ не казаться равнодушнымъ къ недостатку вниманія ко мнѣ, послѣ всѣхъ представленныхъ мною свидѣтельствъ о искреннемъ желаніи моемъ — сохранить съ Императоромъ доброе согласіе».

Въ декларацiи Царя, обнародованной по Его повелѣнію во всѣхъ областяхъ Его владѣній, сказано: «Понеже всѣмъ извѣстно» — и проч. За симъ Петръ исчисляетъ свидѣтельства своего желанія сохранить доброе согласіе съ Императоромъ, даже и тогда, когда Резидентъ Вѣнскаго Двора Блейеръ былъ въ перепискѣ съ мятежниками. Не смотря на это, его еще не высылали изъ Петербурга, но тотчасъ послѣ отъѣзда Блейера Русскій Резидентъ былъ высланъ изъ Вѣны, а другіе высланы изъ Бреславля и изъ прочихъ мѣстъ, гдѣ они были по порученію Царя. Декларація заключается словами: «Всѣ сіи поступки для насъ весьма чувствительны. Между тѣмъ извѣстились мы, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ Великорусскихъ находятся многіе Іезуиты, посланные Его Величествомъ подъ именемъ мнимыхъ Миссіонеровъ; мы, по особенному уваженію къ Императору, терпѣли ихъ въ нашихъ владѣніяхъ, куда они вошли подъ видомъ нѣкоторыхъ другихъ монашескихъ Орденовъ, хотя мы и были извѣщены, что они Іезуиты, и слѣ-

довательно, по древнимъ установленіямъ Россіи, не должны бы въ ней оставаться, по той причинѣ, что, подъ предлогомъ Вѣры, они часто вмѣшиваются въ самыя тайныя дѣла Государственныя. Но послѣ притѣснительнаго поступка Императора съ нашими Министрами, и даже съ тѣми, которые имѣли порученія только по торговымъ дѣламъ, Мы почли справедливымъ не терпѣть болѣе Іезуитовъ въ нашихъ владѣніяхъ, и по праву возмездія повелѣли сказаннымъ Іезуитамъ немедленно удалиться изъ оныхъ владѣній».

Отъ 4 Мая 1719 г. Ла-Ви пишетъ: «Люди менѣе благоразумные приписали обнародованіе Указа противъ Іезуитовъ совершенному разрыву между Царемъ и Императоромъ; но если бы они прежде разсмотрѣли поступки того и другаго, то увидѣли бы, что Царь, болѣе оскорбленный, дѣйствовалъ съ величайшею умѣренностію. Хотя и постановлено было декларацією, чтобы Іезуиты вышли изъ города немедленно, но они еще не получили предписанія объ исполненіи сего повелѣнія.

Кавалеръ *Падери* пишетъ изъ Петербурга: «Мнѣ сказали, что Царь отослалъ двухъ Іезуитовъ, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ. Каждый долженъ получить по двѣсти рублей. Говорятъ, что Царь, не желая, чтобы Іезуиты были въ его владѣніяхъ, хочетъ призвать въ Россію Капуциновъ или Францискановъ, и построить для нихъ каменную церковь на своемъ иждивеніи, по благорасположенію къ Римскимъ-Католикамъ.

Въ другомъ письмѣ *Падери* пишетъ: «Арестовали здѣсь двухъ братьевъ Іезуитовъ, завѣдывавшихъ Рим-

ско-Католическою церковію. Одни думаютъ, что они говорили о дѣлахъ Государственныхъ; другіе, что это сдѣлано по праву возмездія: потому что въ Вѣнѣ повелѣно всѣмъ Полномочнымъ Царскимъ выѣхать, а сіи почтенные отцы, изъ которыхъ одинъ Нѣмецъ, а другой Прусскій уроженецъ, были подъ покровительствомъ Австріійскаго Императора.

Отъ 22 Мая 1719 г. Ла-Ви доноситъ секретно о войнѣ съ Швеціею, и отъ 6 Іюня также подъ шифрами. «Меня увѣрили достовѣрные люди, пишетъ онъ, что сколько ни нуженъ миръ для Московіи, но не скоро будетъ заключенъ. Въ это дѣло слишкомъ многіе вмѣшиваются изъ Государей».

Отъ 25 Іюля, Ла-Ви пишетъ о слухахъ, будто бы въ Москвѣ возмущеніе противъ иностранцевъ, которымъ приписываютъ всѣ преобразованія при Петрѣ I. Его Величество глубоко проникъ нравы своихъ подданныхъ и знаетъ лучше, нежели кто-либо, способъ управлять ими. (Отсюда начинаются шифры). Онъ предъ отъѣздомъ своимъ не могъ удержаться, чтобъ не высказать съ жаромъ свои чувства Князю Меншикову и своему Генералъ-Адмиралу. Царь упрекалъ Меншикова, что его болѣзнь была притворная отговорка, чтобы только не ѣхать въ походъ, а Апраксину сказалъ: «Ты всегда одобрялъ мои намѣренія, особенно въ томъ, что касается морской части; но я читаю въ сердцѣ твоемъ, что если я умру прежде тебя, ты одинъ изъ первыхъ будешь охуждать все, что я сдѣлалъ. Если бы Королева Шведская»—примолвилъ Петръ—«знала тебя также хорошо, какъ я, она заключила бы миръ и оставила бы всѣ мои завоеванія мнѣ, потому что по смерти моей

вы отступитесь отъ завоеванныхъ мною областей, и я увѣренъ, что даже согласитесь на разрушеніе этого города и флота, которые до сего времени стоили мнѣ столько крови, денегъ и трудовъ, чтобы вытащить васъ изъ вашихъ лачугъ» (До сихъ поръ все писано тайнымъ письмомъ).

Ла-Ви хвалитъ Француза де-Лоне, котораго Петръ выписалъ для мануфактуръ, сдѣлавъ жену его Фрейлиною Великихъ Княженъ, своихъ дочерей. По словамъ де-Лоне, Петръ намѣревался выдать со временемъ меньшую дочь свою, Елисавету Петровну, тогда еще десятилѣтнюю, за Людовика XV. Она прелестна, очень стройна, и могла бы считаться совершенною красавицею (шифрами), если бы цвѣтъ волосъ ея не былъ немного рыжеватъ, что однакожь можетъ перемѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна. Старшая изъ Принцессъ совершенный портретъ Царя, ея отца, и слишкомъ разсчетлива и бережлива для Принцессы. Ея Величество, ихъ Родительница, не однажды говорила младшей, что она ничего не требуетъ отъ нея, какъ нѣсколько старанья во Французскомъ языкѣ, и что есть важныя причины для того, чтобы она изучала этотъ языкъ, а не другой (шифрами). Въ Лѣтнемъ Дворцѣ Царя (*) приготовляютъ комнаты для сына покойнаго Царевича Алексія Петровича; теперь его называютъ Великимъ Княземъ. Далѣе Ла-Ви пишетъ: «Царь имѣетъ намѣреніе назначить по себѣ наслѣдницею Престола Принцессу, свою старшую дочь, выдавъ ее за иностраннаго Принца,

(*) Въ Лѣтнемъ Саду.

который по смерти Петра былъ бы въ состояніи продолжать то, что Царь такъ славно началъ. Нѣкоторые Политики предсказываютъ, что Герцогъ Голштинскій, сынъ старшей сестры Королевы Шведской, (Улрики) легко можетъ быть въ виду у Царя.

Французскому Министерству сообщенъ Манифестъ Петра къ Шведамъ о причинахъ войны и о желаніи мира, посланный съ Русскаго флота къ Королевѣ Улрикѣ въ Іюлѣ 1718. Флотъ въ четырехъ миляхъ отъ Стокгольма.

11 Августа 1710 г. съ флота въ Ламеландѣ дано Петромъ повелѣніе Сенату о разореніи Шведской земли и о наборѣ рекрутъ изъ гарнизона.

Бывшіе въ Петербургѣ Іезуиты отправились въ Польшу чрезъ Ригу. Думаютъ, что тѣ, которые находились въ Москвѣ, отправились чрезъ Смоленскъ. Въ Петербургѣ остаются Италіянскіе *Капуцины* и Французскіе *Кордельеры*.

Думаютъ, что Великій Князь, сынъ покойнаго Царевича Алексія Петровича, будетъ объявленъ Наслѣдникомъ Престола. Это будетъ вѣрное средство для возстановленія добраго согласія между Дворами Петербургскимъ и Вѣнскимъ. Извѣстно навѣрное, что съ того времени, какъ молодой Великій Князь помѣщенъ въ покояхъ Лѣтняго Дворца съ молодою Великою Княжною, его сестрою (Натальею Алексіевною), умножили прислугу при немъ. Царица и обѣ Великія Княжны, ея дочери, съ нимъ очень дружелюбно обходятся. Онъ, кажется, совершенно достоинъ нѣжности ихъ. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ Принцевъ, какихъ только можно видѣть. У него самое счастливое выраженіе лица, чрезвычайная живость, и еще

въ незрѣломъ возрастѣ показывается уже необыкновенная страсть къ воинскимъ дѣйствіямъ.

22 Августа Царь писалъ къ Полномочному Министру при Дворѣ Французскомъ, Барону Шлейницу, изъ Ламеланда (близъ острововъ Аландскимъ) о причинахъ войны съ Швеціею.

Отъ 22 Октября донесеніе Ла-Ви (шифрами) «Въ день торжественнаго воспоминанія побѣды при Лѣсномъ Царь сѣлъ за маленькимъ столомъ съ Англійскими корабельными строителями, которые у него въ большой милости; разговорясь съ ними о разныхъ предметахъ, Царь сказалъ между прочимъ: «Я не забочусь о союзахъ противъ меня; они существуютъ до тѣхъ поръ, пока союзники не поразладятъ изъ выгодъ. Мы здѣсь въ безопасности, и намъ бояться нечего, если только не вытѣснятъ голодомъ». (Въ то время въ Петербургѣ была дороговизна).

Отъ $\frac{\text{27 Ноября}}{\text{8 Декабря}}$ 1719 г. Ла-Ви пишетъ: «Въ прошедшій Вторникъ торжествовали по обыкновенію день Св. Екатерины, которой имя носитъ Ея Величество — Царица. Царь сѣлъ за большимъ столомъ съ Архіереемъ и со многими другими особами изъ знатнѣйшаго Духовенства, и довольно долго говорилъ о своей увѣренности, что Богу всего пріятнѣе сердце сокрушенное и смиренное; совѣтовалъ болѣе всего проповѣдывать и вразумлять народъ въ нравственныхъ истинахъ.

Мартефельдъ охуждаетъ Русскихъ матросовъ, и вообще морскую службу въ Россіи. «Эту часть» пишетъ онъ «поддерживаетъ одинъ Царь съ иностранцами, привлеченными имъ, а Русскіе дѣлаютъ вовсе

напротивъ, особенно видя, что страсть Царя къ флоту разстроиваетъ ихъ доходы. Послѣ Царя этотъ флотъ пропадетъ — яко цвѣтъ сельный.

Отъ 23 Генваря 1720 г. Ла-Ви доноситъ (шифрами): сестра Царя, участвовавшая въ заговорѣ, содержится подъ стражею, въ здѣшней крѣпости, куда переведена изъ Ладоги. Чтобы флотъ не оставался праздным, Царь велѣлъ производить экзерциціи.

Въ Маѣ 1720 г. Петръ послалъ довѣренную грамоту Графу Мусину-Пушкину, для представленія Регенту о посредничествѣ Франціи между Швеціею и Россіею.

Тогда же отправлена къ Регенту грамота съ поздравленіемъ, по случаю женидьбы его на Моденской Принцессѣ.

Отъ 22 Ноября 1720 г. тайное донесеніе Ла-Ви, что Полковникъ Доринъи сообщилъ ему о союзѣ противъ Петра, заключенномъ въ Стокгольмѣ Королями: Англійскимъ, Датскимъ, Шведскимъ, Польскимъ, Прусскимъ и Ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Англійскій Король пригласилъ еще и Курфирста Ганноверскаго. Каждый въ помощь Шведамъ даетъ войско противъ Россіи, и намѣрены до весны тѣшить Царя (amuser le Czar).

О томъ же пишетъ къ Детушу отъ 23 Ноября 1720 г. Кампредонъ, отправляемый Посланникомъ къ Россійскому Двору. Кампредонъ проситъ отпуска денегъ для подарковъ Русскимъ Министрамъ, которые могутъ облегчать ходъ дѣлъ, согласно желанію Его Великобританскаго Величества.

Донесеніе Ла-Ви изъ Петербурга отъ 27 Декабря 1720 г.: Царь ежедневно трудится отъ четырехъ до пяти часовъ сряду утромъ, и столько же вечеромъ,

съ знатнѣйшими своими Генералами и другими лицами, распоряжаясь предначертаніемъ дѣйствій будущей кампаніи.

Одинъ плотникъ, изъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, отвергающихъ почитаніе иконъ, пришелъ въ Москву, и въ Сентябрѣ 1720 г., въ день торжественнаго крестнаго хода въ воспоминаніе избавленія Москвы отъ осаждавшихъ Татаръ, бросился съ дубиною на Архіерея, и ударилъ нѣсколько разъ по иконѣ, осыпанной алмазами и драгоцѣнными камнями. Тогда одинъ солдатъ ранилъ шпагою въ правую руку раскольника и выхватилъ у него дубину. Преступника связали и привезли въ Петербургъ. Судьи были изумлены дерзостію его отвѣтовъ: онъ имѣлъ безразсудство сказать, что не пощадилъ бы и самаго Петра, если бы Царь находился въ крестномъ ходѣ. Раскольника осудили на сожженіе; приговоръ былъ исполненъ.

Въ 1720 году доставленъ отвѣтъ Русскаго Духовенства Сорбонскимъ Докторамъ на предложеніе ихъ въ 1717 году о соединеніи Церквей. Отвѣтъ сей писанъ на Французскомъ языкѣ, и переводъ съ него на Нѣмецкомъ, на 8 печатныхъ страницахъ, находится въ 11 фоліантѣ Русскихъ Актовъ Парижскаго Архива.

Французскій Посолъ *Кампредонъ* прибылъ въ Россію чрезъ Швецію, и вышелъ на берегъ въ Ревелѣ, гдѣ встрѣтилъ его Вице-Губернаторъ Левенъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ $\frac{7}{18}$ Февраля 1721 года (*).

(*) Фоліантъ 12.

«Уже съ годъ» — пишетъ Кампредонъ — «какъ труденъ доступъ къ Царю. Министры его безпримѣрно горды и надменны. Ни одинъ изъ нихъ еще не отдалъ мнѣ посѣщенія».

Кампредонъ на аудіенціи говорилъ рѣчь Петру; далѣе описывается первый пріемъ его, съ характеристикою Русскихъ Министровъ: въ особенности онъ пишетъ подробно о Князѣ-Папѣ и о маскерадѣ для его свадьбы.

Для заключенія мира съ Швеціею, Царь предлагаетъ оставить Россіи Лифляндію, Эстляндію и Выборгъ, а возвратить только Финляндію. Кампредонъ страшится за Швецію, если она не приметъ предложеній Петра.

Бывшій Сибирскій Генералъ-Губернаторъ, Князь М. Г. признался въ хищеніяхъ, но не показалъ, гдѣ скрылъ сокровища, и 16 Марта 1721 г. повѣшенъ предъ Сенатомъ. При казни находился сынъ его и невѣстка, дочь Шафирова, даже престарѣлая жена. Говорятъ, что нашли у него три съ половиною милліона деньгами и множество драгоцѣнныхъ камней. 21 Апрѣля трупъ его еще оставался на висѣлицѣ. Споръ между Сенаторами о неприличіи такой казни дошелъ почти до драки. Для укрощенія ихъ Царь велѣлъ четыремъ Преображенцамъ находиться въ Сенатѣ (Донесеніе Кампредона).

Кампредонъ отъ 31 Октября 1721 г. пишетъ къ Аббату (послѣ Кардиналу) *Дюбуа*, что сообщитъ ему обо всемъ подробныя извѣстія, если только не умретъ отъ принужденія пить во время долгаго празднества. За симъ слѣдуетъ длинное донесеніе съ описаніемъ празднества мира между Россіею и Швеціею.

Французскій Посолъ, по внушенію Шафирова, изъявляетъ желаніе, чтобы Французскій Принцъ женился на младшей дочери Петра. Принца легко сдѣлать Королемъ Польскимъ.

Имянины Царицы были празднованы чрезвычайно великолѣпно.

Бурсье пишетъ изъ Сорбонны къ Кардиналу Дюбуа, 19 Декабря 1721 г. «Нужно отвѣчать Русскому Синоду; по всей Московіи уже говорятъ, что письмо Русскаго Духовенства заградило уста наши».

7 Февраля 1722 г. Кампредонъ видѣлся съ Царемъ у Ягужинскаго.

При торжествѣ Шведскаго мира, въ Троицкомъ соборѣ данъ Петру титулъ *Великаго*, Императора и Отца Отечества. Петръ отвѣчалъ на это рѣчью. При семъ отвѣтѣ вся церковь огласилась восклицаніями: Виватъ Петру Великому, Отцу Отечества, Императору Всероссійскому. Пальба изъ пушекъ сопровождала привѣтствіе. (Донесеніе Кампредона) (1).

Де Верлонъ, въ письмѣ отъ 4 Февраля 1722 г. проситъ прибавки жалованья отъ Французскаго Министерства и пишетъ: «для меня большая честь быть назначеннымъ въ званіе Резидента при Дворѣ одного изъ величайшихъ Государей въ мірѣ (2).

Кампредонъ, изъ Москвы отъ 15 Генваря 1722 г., извѣщаетъ, что Петръ живетъ въ селѣ Преображенскомъ. Надъ Меншиковымъ и надъ Апраксинымъ опять гроза.

---

(1) Фоліантъ 12.

(2) Фоліантъ 13.

Отъ 30 Генваря. Донесеніе Кампредона съ описаніемъ маскерада. Тутъ же онъ пишетъ о повелѣніи Петра всѣмъ Дворянамъ явиться въ Петербургъ, подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія не явившихся, и лишенія благороднаго званія. Цѣль сего Указа — узнать способныхъ на службу Дворянъ, и *замѣнить ими иностранцевъ*, коихъ Петръ будто бы хочетъ вскорѣ уволить отъ службы и отослать.

Сообщено въ Парижъ описаніе маскерада въ Москвѣ. Шестьдесятъ четыре корабля, разнаго вида, со множествомъ замаскированныхъ катались по снѣгу. Проѣзжали мѣста, гдѣ еще видны были головы казненныхъ заговорщиковъ.

Изъ горнаго льна (азбеста) дѣлаютъ въ Россіи полотно. Петръ показалъ образчикъ Кампредону, и Кампредонъ послалъ его Регенту.

Въ 13 фоліантѣ длинныя секретныя донесенія (подъ шифрами) о предполагаемомъ бракѣ Принца Шартрскаго со старшею Великою Княжною, которую Кампредонъ особенно хвалитъ, отдавая ей преимущество предъ второю.

Въ заглавіи находящихся въ 13 фоліантѣ Русскихъ грамотъ къ Регенту сказано: «Грамота къ Его Высочеству Дуку Дорлеану, Регенту Франціи». Подписано: «Добраго друга Петра».

Письмо Ла-Ви, отъ 9 Апрѣля 1722 г.: Вице-Адмиралъ Гордонъ имѣлъ тайныя совѣщанія съ Петромъ; Гордонъ—Якобитъ Шотландскій, и предпочтенъ Сиверсу, хотя послѣдній старѣе его по службѣ.

Кампредонъ извѣщаетъ о Китайской торговлѣ и о Іезуитахъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ изъ Китая.

Грекъ Фока и Лаура, любимица Графа Андрея Артамоновича Матвѣева, Италіянка, посылаются въ Римъ, для союза Грековъ съ Русскими, и для возстановленія Греціи.

Отъ 9 Іюля 1722 г. Кампредонъ пишетъ о предпринимаемой Царемъ войнѣ съ Греціею.

Письмо Петра въ Сенатъ изъ Дербента, отъ 30 Августа 1722 г. (*). Письмо это переведено на Нѣмецкій языкъ и напечатано въ Берлинѣ.

Кампредонъ доноситъ объ успѣхахъ Царя въ Персіи, прилагая выписку изъ путеваго дневника отъ Астрахани до Дербента, и списокъ съ письма Царя въ Сенатъ, изъ Астрахани, отъ 16 Окт. 1722 г. Доставлена и карта походовъ Петра.

Вообще донесенія Кампредона и предписанія Кардинала Дюбуа, Французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, содержатъ въ себѣ обозрѣніе всей тогдашней Политики Россіи, на Западѣ и на Востокѣ, и много любопытнаго какъ о внутреннихъ преобразованіяхъ въ Государствѣ при правленіи Петра, такъ и о лицахъ, употребленныхъ имъ.

Петръ отправилъ въ Пекинъ Ливонца Ланга для развѣданія о расположеніи Китайскаго Императора къ Русскому Двору. Лангъ выполнилъ порученіе съ успѣхомъ, и, по возвращеніи своемъ, доставилъ Царю случай отправить въ Пекинъ Посланника. Царь избралъ для сего Капитана Гвардіи Измайлова, человѣка очень смышленаго, который во время своихъ путешествій по Европѣ пріобрѣлъ познаніе

(*) Фоліантъ 13.

разныхъ языковъ и много свѣдѣній. Измайловъ прибылъ въ Пекинъ съ Лангомъ въ Декабрѣ 1720 г. Петръ снабдилъ его письмомъ къ Пекинскимъ Іезуитамъ.

Отъ 12 Іюня 1722 г. Кампредонъ изъ Москвы извѣщаетъ о возвращеніи Измайлова изъ Пекина съ караваномъ. Измайлову удалось въ Пекинѣ съ помощію Іезуитовъ; Кампредонъ совѣтуетъ и Франціи имѣть въ Китаѣ друзей между Іезуитами. При въѣздѣ Измайлова въ Китайскія владѣнія, Китайцы хотѣли было выслать его, но Іезуиты перемѣнили рѣшеніе Пекинскаго Совѣта и доставили Измайлову аудіенцію у Китайскаго Императора. Въ Пекинѣ все дѣлается посредствомъ ихъ. Они собственно суть тайные Министры Китайскаго Двора, и пользуются большимъ довѣріемъ; многіе изъ нихъ получили даже званіе Мандарпновъ.

Петръ очень ласкалъ Іезуита, отца Пріамо, ѣхавшаго чрезъ Россію, изъ Китая въ Римъ.

Лангъ остался Русскимъ Агентомъ въ Пекинѣ. Измайловъ заключилъ выгодный трактатъ; караванъ его изъ ста верблюдовъ и шестидесяти лошадей отправился изъ Пекина на иждивеніи Китайскаго Императора 13 Марта 1721 г. а въ Москву прибылъ 4 Февраля 1722, съ дарами къ Царю отъ Богдыхана. Впрочемъ, Неаполитанскій Іезуитъ Пріамо увѣрялъ Кампредона, что Измайлову не все удалось въ Пекинѣ.

24 Іюля 1722 г. Кампредонъ пишетъ о предложеніяхъ къ браку Принца Шартрскаго съ меньшою Русскою Принцессою (Елисаветою Петровною)

которая столько же любезна, какъ и прекрасна. Елисаветѣ тогда было 13 лѣтъ.

Отъ 30 Іюля Кампредонъ доноситъ о переговорахъ Кинскаго съ Русскимъ Дворомъ о бракѣ одной изъ Русскихъ Принцессъ (Анны Петровны) съ Герцогомъ Голштинскимъ, для утвержденія наслѣдія Престола въ Россіи. Въ подробномъ донесеніи Кампредона представляются всѣ выгоды Россіи отъ союза съ Голштинскимъ Домомъ.

Въ инструкціи Кардинала Дюбуа (отъ 24 Октября 1722 г., изъ Версали) изложены предположенія брака между Французскими Принцами и дочерьми Императора Петра I.

14 фоліантъ Актовъ Парижскаго Архива начинается обозрѣніемъ сношеній Кампредона съ Россіею, вѣроятно, для соображенія по случаю предполагаемой новой инструкціи Французскому Послу въ Петербургѣ.

На племянницѣ Царя, Нарышкиной, женится Волынскій. Донесеніе Кампредона отъ 6 Генваря 1723 г.

Кампредонъ извѣщаетъ, что Екатерина, сопровождая Петра въ Персидскомъ походѣ, во время сильныхъ жаровъ, безъ вѣдома и воли Царя, останавливала войска, чтобы не изнурить ихъ. На вопросъ Петра, кто нарушилъ его приказанія, Екатерина явилась предъ нимъ и отвѣчала: «Это я, и сдѣлала для того, чтобы усталые люди твои, готовые жертвовать за тебя жизнію, не перемерли отъ зноя и жажды, между тѣмъ, какъ ты самъ отдыхалъ, чувствуя необходимость въ подкрѣпленіи силъ».

Писаревъ захватилъ болѣе 800,000 рублей при устроеніи Ладожскаго канала. Меншиковъ имѣлъ свою долю въ этомъ, и вѣроятно поплатится. Петру нужны деньги послѣ расходовъ на походъ въ Персію (Донесеніе Кампредона изъ Москвы отъ 29 Генваря).

Отъ 5 Февраля 1723 г. Кампредонъ пишетъ, что Петръ, возвратясь въ столицу, разсказывалъ иностраннымъ Министрамъ о своемъ Персидскомъ походѣ, о древности Дербента, о пограничной стѣнѣ, и пр. съ историческими намѣками на Кира и Александра Великаго.

Послѣ того, Царь далъ Кампредону особенную аудіенцію, при своей супругѣ, велѣвъ Остерману выйти изъ комнаты. Отецъ и мать толковали съ Посланникомъ о предполагаемой женидьбѣ Принца Шартрскаго на Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, второй дочери Петра.

8 Февраля 1723 г. арестованъ Шафировъ, и осужденъ на смерть, какъ извѣщаетъ Кампредонъ отъ 26 Февраля; но казнь перемѣнена на вѣчную ссылку въ Сибирь. Предъ объявленіемъ помилованія, Шафировъ показалъ необыкновенную твердость духа на эшафотѣ. Писаревъ разжалованъ въ солдаты.

Французскому Министерству доставлены стихи въ честь Петра, напечатанные въ Данцигѣ.

Отъ 12 Марта 1723 г. донесеніе Кампредона Королю о свойствахъ Петра, Екатерины, дочерей ихъ и пр. Тутъ же проектъ трактата о предполагаемомъ бракѣ Принца Шартрскаго на Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ двухъ тайныхъ статьяхъ постановлено условіемъ, чтобы Рос-

сія доставила Принцу Польскую корону, и замѣчено, что препятствія, могущія произойти отъ разности Вѣръ, также значительны; но какъ, вѣроятно, Царь будетъ мало затрудняться въ семъ случаѣ, то и нѣтъ нужды настоять на этой статьѣ.

По пріѣздѣ Петра съ корабля, послѣ обозрѣнія Флота, выстроившагося въ линію на Невѣ, Кампредонъ, въ Невскомъ монастырѣ, сказалъ ему: «Поздравляю Ваше Величество съ великимъ и прекраснымъ семействомъ, которое произвелъ маленькій дѣдушка Русскаго Флота». Петру привѣтствіе понравилось, и онъ пожалъ руку Кампредону.

30 Мая праздновали въ Сенатѣ день Рожденія Петра, съ 12 часовъ по полудни до 2 часовъ по полуночи. Пили простое Русское вино изъ деревянныхъ ковшей. Кампредонъ пишетъ, что дрожалъ при приближеніи горькой чаши.

Царь хвалилъ устройство Французскихъ кораблей, предпочитая ихъ всѣмъ другимъ.

Въ актахъ 1723 г. съ Іюля до Декабря включительно (*), продолжаются донесенія по переговорамъ о бракѣ Принца Шартрскаго съ Русскою Принцессою, и о торговлѣ между Франціею и Россіею.

Князь Папа умеръ. Петръ въ учрежденіи сего званія вѣроятно имѣлъ цѣлію отстранить мысль о сближеніи Рима съ Россіею. Кампредонъ пишетъ, что на мѣсто умершаго выбранъ другой, въ томъ же родѣ.

(*) Фоліантъ 15.

Далѣе слѣдуютъ переводы трактатовъ Петра I съ Персіею, записка о притязаніяхъ (griefs) Царя къ Королю Англійскому, и отвѣтъ Французскихъ Министровъ на сіи требованія.

Французскій Принцъ скончался.

Въ XVI фоліантѣ Русскихъ Актовъ Парижскаго Архива собраны разнаго рода приложенія, принадлежащія къ печатнымъ и письменнымъ донесеніямъ съ 1514 по 1723 годъ. Въ числѣ старинныхъ бумагъ весьма замѣчателенъ печатный переводъ съ письма Максимиліана перваго къ Царю Василію Іоанновичу (отцу Іоанна Грознаго). Максимиліанъ называетъ Царя Василія Императоромъ. Изъ бумагъ, относящихся къ царствованію Петра I, здѣсь въ особенности должно замѣтить записку о сношеніяхъ Франціи съ Сѣверомъ и союзѣ ея съ Россіею, составленную въ 1723 г. для Англійскаго Кабинета; записку о торговлѣ Русскихъ въ Китаѣ, чрезъ Сибирь, и пр. По запискѣ Кампредона о доходахъ Петра на всемъ пространствѣ его владѣній (31 Декабря 1723 г.) видно, что онъ получалъ деньгами 7,829,836 руб. кромѣ припасовъ, и пр.

Въ XVII фоліантѣ донесенія Кампредона въ первые шесть мѣсяцевъ 1724 года, и отвѣты ему Французскаго Министерства.

Кампредонъ доноситъ о торговлѣ, о доходахъ Царя, о расходахъ и объ экономіи государственной и пр. — въ *шифрахъ*!

XVII фоліантъ оканчивается донесеніями Кампредона въ Іюнѣ 1714 г. изъ Москвы, гдѣ находился Дипломатическій корпусъ по случаю коронованія

Петромъ I Императрицы, Его супруги. Кампредонъ пріѣхалъ въ Москву съ Остерманомъ.

Въ XVIII фоліантѣ дѣла шести послѣднихъ мѣсяцевъ 1724 года. Здѣсь продолженіе записки о посредничествѣ между Россіею, Англіею и Голштинскимъ Домомъ, о приготовленіяхъ къ коронованію Екатерины I, о Швеціи, и пр.

Кампредонъ возвратился въ Петербургъ.

Петръ желаетъ, чтобы Англія прислала Посла. Петръ мирится съ Англіей.

Проектъ о послѣднихъ предложеніяхъ со стороны Его Христіаннѣйшаго Величества къ примиренію съ Его Величествомъ Императоромъ Россійскимъ, и съ Королемъ Англійскимъ; подписали 1 Августа 1724 Графъ Головкинъ и Остерманъ.

Англія и Франція даютъ Петру *Титулъ Императорскій*. Титулъ сей формально признается 5-ю статьею трактата 1724 года (въ Октябрѣ).

Отъ 7 Сентября 1724, Кампредонъ извѣщаетъ о болѣзни Петра. Онъ страдаетъ каменною болѣзнію (des reins) и лечился минеральными водами, привозимыми по почтѣ изъ Олонца. Онѣ не имѣли ожидаемаго успѣха. Отъ другихъ лекарствъ — колики. Извлекли довольно большой камень.

Это самый безпокойный больной. Онъ самъ себя почитаетъ свѣдущимъ врачемъ. Угрозы, которыя онъ время отъ времени дѣлалъ врачамъ, приводили ихъ въ отчаяніе. Опасность прошла.

Отъ 7 Ноября 1724 извѣстіе, что Петръ опять нездоровъ.

Декларацією отъ Царя, 25 Ноября 1724, объявлено Шведамъ о Императорскомъ Титулѣ его.

26 Ноября донесеніе Кампредона о казни Камергера Монса. — Сенаторъ, родственникъ его, сосланъ на три года на галеры. Царица въ безпокойствѣ.

Праздновано бракосочетаніе Принца Голштинскаго со старшею дочерью Петра, Принцессою Анною.

Въ XIX томѣ дѣла первыхъ шести мѣсяцевъ 1725 года. Кампредонъ извѣщаетъ о положеніи знатнѣйшихъ Грузинцевъ, Царя Вахтанга съ Князьями, Княжнами и служителями, всего 1185 человѣкъ, укрывшихся въ крѣпости Святаго Креста, недавно построенной Царемъ при рѣкѣ Сулакѣ, въ Ширванской Области.

Въ Новый Годъ, на праздникѣ, въ Сенатѣ явился Калмыцкій Князь во Французскомъ кафтанѣ. Англія, Данія, Голштинскій Принцъ—главные предметы переписки Кампредона съ Французскимъ Министерствомъ.

Далѣе, на Нѣмецкомъ языкѣ, Манифестъ о кончинѣ Петра, послѣ двѣнадцатидневной болѣзни, 28 Генваря 1725 г. въ пять часовъ утра. Ходъ болѣзни его былъ слѣдующій:

Отъ 19 Генваря ст. ст. Кампредонъ извѣщалъ, что Италіянскій Врачь (одинъ изъ друзей Кампредона) осматривалъ больнаго, и находилъ болѣзнь неопасною. Если боль прекратится, чего можно ожидать чрезъ нѣсколько дней, Италіянецъ надѣется совершенно излечить Царя, лишь бы дозволили пользовать Петра съ помощію Французскаго Хирурга, находящагося при Кампредонѣ, знающаго тайну выгонять скорбутъ чрезъ испарину. Болѣзнь Петра мѣшаетъ переговорамъ.

21 Генваря Петръ не принималъ пищи, изъ предосторожности, полагая, что не вытерпитъ боли. Боль облегчилась. Головинъ, Толстой, Апраксинъ были къ нему допущены. Ягужинскаго и Остермана не пустили.

Больнаго лечатъ накладываніемъ бальзамическихъ пластырей. Искуснѣйшіе Врачи, при немъ находящіеся, боятся, чтобы при невоздержаніи его въ діетѣ, когда въ промежуткахъ онъ чувствуетъ облегченіе, болѣзнь не усилилась и не прекратила бы жизни его. Италіянецъ думаетъ, что крѣпкое сложеніе Петра спасетъ его, если только больной будетъ слѣдовать совѣтамъ этого Врача.

Отъ 26 Генваря 1725 г. Кампредонъ пишетъ объ усилившейся болѣзни. Выдержавъ операцію, Петръ былъ спокойнѣе; его кормили овсяной кашей; сдѣлалось хуже. Послѣ пищи онъ безъ чувствъ. Собрались Сенаторы; Князь Меншиковъ, Репнинъ, Головинъ, Адмиралъ Апраксинъ, Графъ Толстой, Ягужинскій были въ сіе время въ залѣ предъ почивальной больнаго. Петръ опомнился; призвалъ Апраксина, и сказалъ, что чувствуетъ себя худо, и что ему кажется, какъ будто цѣлый домъ наваленъ на грудь его; велѣлъ выпустить всѣхъ заключенныхъ въ темницахъ, что было немедленно исполнено.

Смерть Петра близка. Почты, вѣроятно, будутъ остановлены. Иностранцы могутъ всего страшиться отъ черни, и даже отъ войскъ, потому что уже годъ и четыре мѣсяца, какъ войски не получали жалованья. Не думаютъ, чтобы Петръ успѣлъ сдѣлать какое-нибудь завѣщаніе; но Сенатъ и Царица уже приняли мѣры. Екатерина будетъ Правительницею Им-

періи, вмѣстѣ съ Сенатомъ, во время малолѣтства Великаго Князя, внука Царя.

Войску заплатили жалованье. Такимъ образомъ двѣ стороны приверженцевъ Царицы и Великаго Князя соединились. Имперія Русская, при правленіи кроткомъ, ни сколько не утратитъ ни силы своей, ни достоинства.

Донесеніе Кампредона отъ 28 Генваря 1725 г. въ Четвертокъ, въ шесть часовъ утра. Онъ пишетъ: «Сегодня, около пяти часовъ утра, Государь скончался, послѣ жестокихъ страданій. Сколько мнѣ извѣстно, онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ его Престола. Сенатъ, который теперь въ собраніи при Дворѣ, раздѣленъ на двѣ разныя партіи. Одна усердно поддерживаетъ пользы Царицы, желая, чтобы она правила Государствомъ, не назначая теперь по ней наслѣдника. Другіе желаютъ, чтобы объявленъ былъ Наслѣдникомъ Великій Князь, внукъ Императора, а Царица, до совершенолѣтія его, была бы Правительницею, вмѣстѣ съ Сенатомъ. Отправили повелѣнія всѣмъ полкамъ, находящимся въ окрестностяхъ Петербурга, итти въ столицу. Всѣ пути заняты войскомъ.

Въ Парижѣ узнали о кончинѣ Петра, прежде донесенія Кампредона.

Въ письмѣ Кампредона отъ 30 Генваря, безъ подписи, полученномъ съ письмомъ Брогліо отъ 8 Марта, прямо къ Королю, слѣдующія подробности о кончинѣ Петра:

«Между 4 и 5 часомъ Петръ скончался, простясь, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, съ семействомъ своимъ и съ Офицерами своей Гвардіи, не имѣя уже

силы говорить. Врачи его, Блумонтъ и Тростъ (Кампредонъ ошибся: это не два Врача, а одинъ: Блументростъ) давали ему при первыхъ припадкахъ только облегчительныя средства. Можетъ быть незнаніе ихъ много способствовало убѣжденію Петра, который вообразилъ, что минеральныя воды, всегда ему помогавшія, уничтожатъ внутреннюю болѣзнь; но опытъ показалъ, что воды были очень противны для неи, особенно, когда Царь пользовался Олонецкими, а потомъ Пирмонтскими, среди самой зимы. По возвращеніи его изъ путешествія къ Ладогѣ, здоровье его было уже очень истощено; онъ мало занимался дѣлами, хотя и показывался по обыкновенію въ публичныхъ собраніяхъ. Ночью, съ 20 на 21 Генваря, онъ почувствовалъ очень сильное задержаніе мочи; ему дали лекарства, обыкновенныя въ этомъ случаѣ, и скоро объявили, что онъ былъ внѣ опасности, однакожь призвали многихъ Врачей, и между прочимъ Италіянца Лазарити, человѣка очень способнаго, который, узнавъ причину болѣзни Петра, считалъ больнаго внѣ опасности, лишь бы только послѣдовали способу его леченія. Господа Блумонтъ и Тростъ (то есть, опять одинъ Блументростъ) отвергли совѣтъ, не ими придуманный, а продолжали леченіе облегчительными средствами. Царь оставался въ прежнемъ положеніи до-утра Субботы, 23 Генваря.

Ночью на 24 — судороги; боль и припадки усилились. Италіянецъ далъ это замѣтить другимъ. По его совѣту приступили къ операціи. Больной почувствовалъ облегченіе, отдохнулъ; сказали, что онъ внѣ опасности. На 25 Генваря ночь спокойная — и днемъ легче.

26 Генваря, по утру, кормили больнаго овсяной кашей. Послѣ нѣсколькихъ ложекъ лихорадка опять возобновилась; всѣ признаки Антонова огня. Никто изъ Докторовъ не смѣлъ объявить о семъ Императрицѣ. Графъ Толстой обратился съ вопросами къ Лазарити. Италіянецъ объявилъ, что Петръ умираетъ.

Снова судороги, безпамятство, бредъ, во время котораго слышали слова: «я пожертвовалъ собственною своею кровью»; больной вскочилъ съ постели, не смотря на всѣ усилія удержать его, хотѣлъ, чтобъ открыли окно для освѣженія воздухомъ, но впалъ тотчасъ же въ слабость; его положили снова на постель, и можно сказать, что съ сей минуты, до самой кончины, онъ былъ въ непрерывномъ безпамятствѣ, и не могъ уже говорить, кромѣ немногихъ словъ. О завѣщаніи не говорили ему, или боясь тѣмъ встревожить его, какъ признакомъ близкой его смерти, или потому что Царицѣ и приверженцамъ ея были довольно извѣстны намѣренія умирающаго Государя, и она опасалась, чтобы онъ, ослабѣвъ подъ бременемъ своихъ страданій, не перемѣнилъ чего въ предположенныхъ имъ распоряженіяхъ.

Далѣе пишетъ Кампредонъ: «По всей вѣроятности человѣческихъ соображеній, счастіе вдовствующей Императрицы казалось кончилось, и ея приближенные, Князь Меншиковъ Толстой и другіе, должны бы имѣть ту же участь; все зависѣло бы отъ Голштинскаго Герцога, но Всемогущій сдѣлалъ возможнымъ то, что казалось невозможнымъ. Благія дѣйствія Императрицы при жизни Императора,

въ этомъ случаѣ были награждены. Орудіемъ былъ Князь Меншиковъ; онъ склонилъ Гвардейскіе полки на сторону Императрицы. Лишь только Императоръ простился со всѣми, Князь Меншиковъ повелъ всѣхъ Гвардейскихъ Офицеровъ къ Императрицѣ, которая напомнила имъ все, что она для нихъ сдѣлала, и заботливость свою о нимъ во время походовъ, примолвивъ: «надѣюсь на вѣрность вашу, что вы не оставите меня въ несчастіи». Тогда всѣ они, со слезами, поклялись въ вѣрности Императрицѣ, и увѣряли ее, что скорѣе умрутъ у ногъ ея, нежели допустятъ, чтобы кто-нибудь другой кромѣ ея былъ возведенъ на Престолъ. Во все это время Князь Меншиковъ неусыпно старался склонять въ пользу Императрицы Гражданскія власти и Духовенство, собиравшееся во Дворцѣ. Тутъ были и обѣщанія и угрозы; Меншиковъ даже примирился со своими врагами. Бассевичь успѣлъ помирить Ягужинскаго съ Меншиковымъ и присоединить его къ приверженцамъ Императрицы.

Сенатъ, Министры, Генералы, по кончинѣ Петра собрали Совѣтъ, прочли присягу, призвали Кабинетнаго Секретаря (Макарова) и спросили: сдѣлалъ ли Государь какое письменное завѣщаніе? — Онъ отвѣчалъ, что завѣщанія нѣтъ. Послѣ сего рѣшили, что вѣнчанная Императрица должна была наслѣдовать Престолъ. Тутъ же подписали и актъ. Дворцовый караулъ присягнулъ. Маіоръ плакалъ; солдаты тоже. Всѣ за Императрицу. Солдаты кричали: «*мы потеряли Отца, но у насъ осталась Мать*» Императрица объявила, что заплатитъ имъ жалованье изъ своей собственной казны. Такъ кончился

достопамятный день 28 Генваря. Въ городѣ все было тихо; вечеромъ никого не было видно на улицахъ.

Б. Ѳ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1843, № 3.)

2007044148